

Храм психеи в Карамзинской колонии душевнобольных

На крутом склоне правого берега Волги, между ульяновским плёсом Куйбышевского водохранилища и карамзинским лесом, в обрамлении фруктовых садов укрылась от глаз ульяновцев старая Карамзинка (нижняя площадка).

«Копосов павильон». 1916

Чужих здесь не бывает, только местные жители, пациенты и персонал. После того, как в 1978 году было завершено строительство новой Карамзинки (верхняя площадка), старая погрузилась в дрем воспоминаний и начала терять свои исторические здания, подобно осеннему дубу, сбрасывающему листья. Церковь, павильон «для слабых больных мужчин», «Копосов павильон», прозекторская, пищеблок с бетонным и кирпичным подвалами, баня всё превратилось в живописные руины, от вида которых любого созерцателя поразит «русская тоска». Во эти руины достойны внимания, особенно выделяется «Копосов павильон». Из-за непривычных для нас рифлёных тосканских колонн он больше напоминает античный храм или барский дом, чем больничное строение. Но все местные жители помнят, как это здание было в период расцвета, и только на фото первой четверти XX века можно увидеть его прежний облик.

История «Копосова павильона» началась 2 марта 1913 года, когда директор Карамзинской колонии

Главный (восточный) фасад «Копосова павильона». 2023

Персонал «Копосова павильона» с букетами белой сирени. 1950-е годы

душевнобольных Василий Александрович Копосов (1851–1922) довёл до сведения Симбирской губернской земской управы, что «особа, пожелавшая остаться неизвестной, жертвует 12 000 рублей на сооружение в Карамзинской колонии отдельного павильона для больных женщин, в настоящее время особенно нуждающихся в целесообразном помещении». Дар был с радостью принят, а директора колонии попросили «выразить жертвователю от имени губернского земского собрания искреннюю благодарность».

По мнению карамзинских старост, благотворительницей была Екатерина Максимилиановна Перси-Френч (1864–1938) – хозяйка соседнего родового имения Киндяковка, известная меценатка, жертвовавшая много средств, в том числе и на нужды прекрасной половины человечества.

Карамзинская колония – всего в полчаса конной езды от Киндяковки. Неудивительно, что Екатерина Максимилиановна частенько проводывала директора колонии и даже, по слухам, консультировалась по поводу своей мамы, имевшей «сложный характер».

Губернская управа выступила с инициативой «назвать будущий павильон именем заслуженного руководителя колонии Василия Александровича Копосова, немало положившего труда...». К такому предложению Василий Александрович отнёсся с благодарностью, попыток отказаться не предпринимал. Подобная практика была нормой: в 1907 году в честь 25-летней деятельности директора Тульской губернской психиатрической больницы Николая Петровича Каменева (1857–1936) его

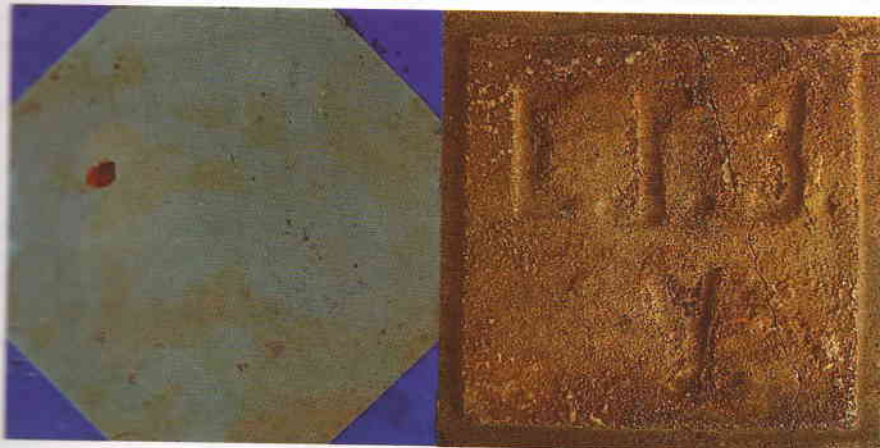
именем назвали женский павильон. Примечательно, что В.А. Копосов находился в товарищеских отношениях и переписывался со своей тульским коллегой-психиатром.

По смете, составленной архитектором и инженером Фёдором Осиповичем Ливчаком (1878–1919), на строительство павильона требовалось немногим больше 20 000 рублей, недостающая сумма была доассигнована из «средств губернского земства».

«Копосов павильон» (павильон «для слабых больных женщин») – последнее больничное здание, построенное в дореволюционный период. Над его проектом и дизайном интерьеров совместно трудились Ф.О. Ливчак и директор колонии. В главных чертах здание воспроизвели по образцу построенного в 1909 году павильона «для слабых больных мужчин», только пространство между крыльями здания было решено превратить в лоджию.

Павильон решили строить юго-западнее женского краснокирпичного корпуса, немного выше по рельефу местности. В конце лета 1913 года землекопы выровняли площадку и вынули грунт для фундамента. Все стройматериалы доставлялись на подводах, никакая техника не применялась. На месте добывалась опoka, которая использовалась для фундамента и изготовления балок над оконными проёмами. На рубеже 1913–1914 годов «уже вчерне сооружён превосходный из усовершенствованного бетона новый павильон». Отделка здания затянулась до 1916 года – не хватало рабочих рук, которые прибрал багושка царь для нужд германской войны.

Лицевая и оборотная стороны плиток пола лоджии. 2023

Пробковые плиты «Реформ». 2023

Копосов павильон. 1960-е годы

Карамзинки прогулки назывались «водить больных на солнце».

В 1916 году на открытие павильона съехалось много гостей, проносились речи. Представитель земской управы зачитал постановление о присвоении павильону имени Василия Александровича Копосова.

Место для павильона на террасированном склоне горы выбрано не случайно. Во-первых, рядом основной краснокирпичный женский корпус, чтобы персонал при необходимости мог быстро переходить из одного здания в другое. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, восхитительный целебный вид на восход солнца, красавицу Волгу, её пойму со множеством озёр и заливных лугов. А чего стоит живительный хрустально-чистый воздух, сочетающий сладко-арбузный аромат Волги и пряно-терпкий настой Карамзинского дубового леса, успокаивающее пение птиц. Просторная лоджия должна была служить для размещения кроватей с колёсиками, на которых больных женщин выкатывали из палаты, чтобы они могли принимать модное в начале прошлого века «верандное лечение» – длительное пребывание на свежем воздухе в условиях полупостельного режима, что приводило к улучшению психоэмоционального состояния, нормализации обмена веществ и сна. По воспоминаниям ветеранов Карамзинки, для пациенток пребывание на террасе – так они называли лоджию – было последней доступной радостью: они с наслаждением вдыхали вольный воздух, грелись в лучах восходящего солнца и смотрели на вечную Волгу. На их глазах были слёзы, вызванные щемящей красотой природы.

В брежневские годы пространство между крайними колоннами лоджии было перекрыто кирпичом и превращено в дополнительные помещения.

Учитывая, что под категорией «слабых» больных понимались в основном душевнобольные с сопутствующими серьёзными соматическими заболеваниями (парализованные, обессилевшие от туберкулёза и других хронических заболеваний), возростал риск самоубийств, и необходимо было их предотвратить. По этой причине были исключены любые возможности свести счёты с жизнью: палаты хорошо просматривались, а

«Копосов павильон» представлял собой одноэтажное, симметричное, прямоугольное здание под четырёхскатной стропильной, крытой железом крышей. Со стороны главного (восточного), обращённого к Волге фасада, на невысоком цоколе расположена лоджия, оформленная четырьмя тосканскими колоннами. Фланги здания отмечены фронтонами с прорезанными полуциркульными окнами, каждый из которых украшен тремя декоративными рельефными венками со стилизованными перевёрнутыми речными якорями. Это один из символов христианства, олицетворяющих надежду, дающую силу пережить невзгоды. Центр западного фасада выделен ризалитом с шестью окнами. Со стороны южного и северного фасадов расположены небольшие тамбуры-входы, под северным – вход в подвал котельной. Стены сложены из «бетонного путевого камня» (бетонит) системы Ф.О. Ливчака. С внутренней стороны стены «отеплены» пробковыми плитами «Реформ» завода «Эдуард Арпс и К°», производство которых располагалось в г. Одессе, а сырьё обрабатывалось в португальском городе Синиш. Перекрытие крыши утеплено насыпкой полуметрового слоя чернозёма. Пол лоджии выложен серо-синей плиткой производства Симбирского земского бетонного завода, на оборотной стороне плиток вытеснена аббревиатура С.Г.З.У – Симбирская губернская земская управа. Колонны произведены по спецзаказу на том

же заводе. В здании были предусмотрены помещения для персонала, туалетная и ванная комнаты – в большой чугунной эмалированной ванне служительницы по очереди мыли «слабых» и лежачих пациенток. Водопровод проведён из соседнего родника. Помещение было электрифицировано, работали вентиляция и водяное центральное отопление от котельной, расположенной в подвале. Снаружи здание покрыто белоснежной штукатуркой, поэтому местные чаще называли его «белый павильон». Про «Копосов павильон» можно твёрдо сказать: сделан из симбирских материалов по местной технологии и проекту. Только пробковый утеплитель, кровельное железо, сантехника, проводка, стекло и оконная фурнитура были привозными.

На «античном» фасаде здания буквами, раскрашенными под золото, было написано: «Павильон имени В.А. Копосова». Во второй половине 1960-х годов во время ремонта и стяжки расползающихся стен стальной балкой буквы сняли и на прежнее место так и не вернули. Над надписью в рамке под стеклом висел небольшой портрет первого директора колонии.

Для больных, способных к передвижению, перед главным фасадом и рядом с южным тамбуром за невысоким деревянным заборчиком была организована прогулочная площадка со столиками и скамейками. На прогулки выделялось время с 10 до 12 часов. В терминологии персонала

выступающие предметы, потенциально подходящие для закрепления удавки, были исключены. Даже на створках окон привычные ручки были заменены на ручки-ракушки без сквозного отверстия, к которому можно было прикрепить верёвку. Такие ручки-ракушки с растительным орнаментом в стиле ар-нуво широко использовались в качестве мебельной фурнитуры, а вот применение их в оконных конструкциях не имеет аналогов. Были установлены четыре разновидности ручек-ракушек: крупные чугунные – в палатах, чугунные с никелированным покрытием – на окнах главного фасада, небольшие чугунные никелированные – в помещении для персонала, латунные – в кабинете врача. Для исключения возможности побегов все окна и двери запирались.

Во время Гражданской войны в конце июля 1918 года каппелевцы хотели использовать павильон под казарму, но после того, как увидели его немощных обитательниц, отказались от этой идеи и больше в помещение не заходили, а под казарму приспособили рядом расположенный, но менее комфортный деревянный жилой барак «Хива».

До начала Великой Отечественной войны в павильоне располагалось, как и прежде, соматическое отделение. В предвоенные годы в нём уже лежали не только женщины, но и мужчины. На рубеже 1941–1942 годов в павильоне размещалось отделение для красноармейцев, получивших черепно-мозговые травмы и контузии, приведшие к некоторым психиатрическим расстройствам. Потом бойцов перевели в павильон «для

слабых больных мужчин» 1909 года постройки. В освободившееся помещение перевели третье отделение для выздоравливающих мужчин или, как их называли в Карамзинке, «сохранных» больных, которых можно было использовать на сельскохозяйственных работах в подхозе. В 1960-х годах в павильоне открыли туберкулёзное отделение для мужчин и женщин с открытой формой туберкулёза. В 1990-х павильон был дезинфицирован, отремонтирован, и в нём расположилось отделение № 20 (изолятор), в которое направляли бомжей с признаками психиатрического расстройства, а также психиатрических больных с температурой, сыпью и другими признаками различных заболеваний. Больных в нём было очень мало, не больше 5–10 человек, а иногда и ни одного.

В начале 1920-х годов перед фасадом павильона посадили несколько кустов белой сирени старинного бельгийского сорта «Мари Легре». Сирень была выбрана не только из-за восхитительной красоты, но и с учётом того, что её мягкий медовый аромат обладает успокоительными свойствами и помогает восстановить силы. Белый цвет кистей сирени умиротворяет и отвлекает больных от душевных проблем. Кроме того, сирень имеет фармакологические свойства: цветки обладают потогонным, противовоспалительным и обезболивающим действием, а листья способствуют созреванию нарывов и очищению их от гноя. Всё это было нелишним в условиях дефицита лекарств и проблем с малярией: в волжских пойменных озёрах обитали полчища комаров – переносчики малярии. Медперсонал

гордился своей белой лекарственной помощницей, охотно фотографировался с букетами на фоне колонн.

Дети перебирали цветущие кисти в поисках пятилепестковых цветков. Считалось, что если загадать желание, а потом съесть такой цветок, то всё непременно исполнится. Павильон привлекал детей своей сказочной архитектурой, в их воображении он превращался в царский дворец. Дети, пока родители были на работе, надевали лучшие наряды родителей и на лоджии играли в «цариц», изображая аристократов, известных по художественным книгам. Играть можно было только во время тихого часа, когда больные спали крепким сном после приёма препаратов. В другое время детей прогоняли.

Первый директор и его соратники посадили за павильоном черешчатые дубочки, несколько из них растёт и сейчас. Эти дубы – одни из немногих деревьев в Карамзинке, которые пережили Великую Отечественную войну. Остальные деревья были вырублены на дрова, в которых остро нуждалась замерзающая больница.

Закрыли «Копосов павильон» неожиданно – от просадки грунта начала трескаться стена. В начале нулевых годов павильон был законсервирован и охранялся тремя сторожами, дежурившими посуточно. Несмотря на это, уже через месяц его начали растаскивать: сняли линолеум, вынесли пригодную мебель, а дальше больше – батареи, проводку, полы... В 2007 году не было выделено средств на отопление, и павильон начал постепенно разрушаться.

Как старый умирающий верный пёс, покинутый хозяевами, лежит «Копосов павильон». Когда-то он согревал истерзанные души, а сейчас превратился в обглоданный воронами жалкий скелет. Реставрировать его уже невозможно: отсутствуют крыша, полы, стены дали трещины. Относительно хорошо сохранились только колонны и «бетонные пустотелые камни». Если их аккуратно разобрать и укрепить фундамент, то здание ещё возможно воссоздать, и оно только одним своим присутствием будет лечить души. Но даже сейчас павильон остаётся живописным и привлекательным экскурсионным объектом.

Дмитрий Семенов

Оконные ручки-ракушки